

Юженко Р.В.

Кумир

18+

Радда Владимировна Юженко

Кумир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30481272

SelfPub; 2018

Аннотация

В больницу попадает известный продюсер и фотограф, кумир всех девушек и женщин Эд. Медсестра Инга, наблюдавшая за кумиром только через экран, получает уникальную возможность – познакомиться с ним в реальной жизни. День за днем, ухаживая за "звездным" пациентом, Инга все глубже узнает его, и эта правда совсем не сходится с экранным образом...

Содержит нецензурную брань.

Юженко Радда Владимировна.

г. Красноярск

«Кумир»

Это даже не иронично, подумал Эд, разглядывая бинты на ноге. Так сломаться перед самым днем рождения!

– Терпеть не могу, – сказал он вполголоса.

Белые стены, белый пол, белые тумбочки – какая скука оказаться в больнице со сломанной ногой накануне своего 30-летия. Попасть в эту богодельню без телефона, без компьютера, без всех личных вещей, да еще и понятия не иметь что теперь будет с мотоциклом... едва только Эд начал располагаться на кровати поудобнее, как в палату вошел врач.

-Эдуард Витальевич Соколов?

-Я.

– Тааак, вам экстренно была проведена операция по сохранению ноги. Разрыв ахиллесова сухожилия, перелом со смещением, ушибы, возможна трещина в малом тазу. Где вас

так угораздило?

– Не доехал на мотоцикле. Исккупаться хотел, а тут крузак на встречу. – съязвил Эд. – Долго мне здесь лежать?

– не могу сказать точно, вероятно, пару-тройку недель, все будет зависеть от вашего самочувствия...

– Я прекрасно себя чувствую!

– ...и от того, как быстро начнут заживать швы. Я при- ставлю к Вам медсестру, она будет ухаживать за вами. Вам что-нибудь еще нужно?

– Позвонить хотелось бы.

– Я оставил свой телефон в ординаторской, спросите у медсестры, ее зовут Инга. До свидания, поправляйтесь.

Эд лежал и пытался уснуть. Но в голове неотвратимо всплывал момент аварии. Кадры мелькали и переключались в голове в хаотичном порядке. Он ехал на мотоцикле – изучал местность – обычное дело для путешественника. Яркое ласковое солнце, небольшой жар от дороги, разноцветные поля, длиннющая лента асфальта, поблескивающие стекла проезжающих машин... Откуда только взялся этот крузак?

Эд прилетел сюда один, на 5 дней раньше жены с сыном, т.к. должен был подыскать жилье более приличное, чем

оплачивал заказчик, но случайный выезд на встречную полосу всё испортил.

Эд занимался видеосъемкой и монтажом, кроме того он был спортсмен – экстримал и просто путешественник. Высокий, загорелый, статный парень – ничто не выдавало приближающийся тридцатник.

Его лицо было чуть длиннее обычного, но это даже не отталкивало, а, наоборот, придавало некую привлекательность. Легкая небритость, выжженные солнцем волосы, янтарный загар. Но главное – глаза. Спокойные зеленые глаза, имеющие особенность сверлить своего собеседника.

Лето, нежная теплота, легкий ветерок, едва слышный щебет птиц за приоткрытым окном, тонкий ненавящевый аромат за окном, белые стены, чистый пол, просторная палата – больница была не так уж плоха, но Эд ужасно не любил, когда обстоятельства правили балом, а он не мог на это повлиять. Вскоре появилась медсестра. Молоденькая девчонка, выглядевшая, лет, наверное, лет на 20 принесла на подносе обед.

Едва она только вошла в палату, как вдруг глаза ее округлились – девчонка не могла поверить своему счастью. Неужели! Неужели за все это время работы медсестрой она

встретила настоящего пациента-мечту. Своего кумира! Она следила за каждым его клипом, ловила каждое интервью и вот... Вот! Он лежал перед ней в пяти шагах.

– Эдуард Витальевич, вот ваш обед, – стараясь сдержать дрожь в горле произнесла она.

– Спасибо, – сухо и коротко ответил Эд. Но вдруг, вспомнив, что остался без телефона, добавил вежливее

– У вас не будет позвонить?

– Да, конечно, – трясущейся от волнения рукой Инга протянула свой скромный телефон обожаемому кумиру.

«Боже мой! – проносилось у нее в голове, он посетил 64 страны, он побывал на первых страницах журналов, а теперь просит мой телефон, чтобы позвонить!» Она все еще не могла поверить в происходящее.

-Привет, малыш! Во сколько вы завтра вылетать должны? В 8? Отмени рейс, в смысле сдай билеты, я в больнице лежу. Да, так получилось, что попал в небольшую аварию. Да ничего, просто ногу сломал. Ну как ты полетишь одна, я не успел даже присмотреть жилье, кроме того, тебя даже некому будет встретить в аэропорту. И кстати, здесь до аэропор-

та около 40 км. Я думаю, что через недельку смогу выбрать-ся отсюда. Войди в мою почту и опиши ситуацию заказчику, мне бы хотелось до конца дня обзавестись телефоном и интернетом. Давай, целую, малыш, пока.

– Спасибо вам – он посмотрел на бэйдж, Инга.

-Я знаю вас, – вполголоса, стараясь улыбаться, произнесла Инга. Я видела ваш фильм и клипы. Кажется, она начала краснеть.

– Мне очень приятно, – сквозь зубы процедил больной.

Он взял вилку с подноса и Инга все поняла.

– Приятного аппетита, – сказала она и вышла.

Сердце ее бешено стучало. Сумбур охватил голову. Конечно же, ей хотелось понравиться Эду, но она совершенно не понимала как себя нужно вести, что говорить и что делать. Ее выдавала мелкая дрожь, желание показаться симпатичной и милой, наигранность движений. Больше всего на свете ей хотелось поговорить с ним. Ей хотелось разделить с ним время, стать ему кем-то большим, чем просто поклонница или медсестра. Ей, привыкшей видеть Эда по другую сторону экрана, очень хотелось, чтобы он оценил ее. Кумир,

лежащий на больничной койке, данный тебе на уход, это как журавль из поговорки. Ты не можешь удержать его в руках, но сейчас вправе гладить и кормить, любоваться, трогать.

К слову, Инга была ничуть не хуже соколовских моделей. Она была высока, стройна, с большими открытыми серыми глазами. Она воистину была красавицей, но красавицей незамеченной, не попавшей в руки гения, который смог бы показать ее миру и зажечь из нее звезду. Кроме своей внешности, Инга также была добра и весела характером. Рано потеряв родителей и не раз перенеся предательства, она сумела все же не растерять своей легкости и простоты. Она сумела не закрыться в себе, сохранила приветливость миру и доброжелательность людям. Инга нравилась многим. Конечно же, она не подпускала воздыхателей близко, но сам факт признания ее красоты был приятен ей. Возможно, именно ее лучезарная улыбка, оптимизм и жадное желание жить помогали ей сохранять юношеский вид. Инге было 27, но выглядела она едва на 20. Темно-рыжие волосы, собранные в высокий пучок, минимум косметики и легкий цветочный аромат – нет, она была медсестрой не только для тела, но и для души!

Муж... Инге было легко с ним, как и ему с ней, они подходили больше на друзей, чем на супругов. Не было уже страсти, все рано или поздно остывает и притупляется, их сохра-

няла привычка, общая дочь и клятва верности, произнесенная на свадьбе несколько лет назад.

Конечно же, она не молилась на Соколова. Она была скорее, не фанатка и не поклонница, а «заочно знакомая» с творчеством кумира.

Ее минутная растерянность была очевидна. .

«Там, в палате, я не могла оторвать глаз от Эда, но диалог состоялся короткий, дежурный, в конце концов, я же не докучала ему вопросами и просьбой автографа.» – так думала Инга, успокаивая саму себя. Параллельно с этой мыслью в голове крутилась еще одна – «как бы почаще заходить в палату?». Что-то детское овладевало ей в минуты понимания того, КТО сейчас у нее в пациентах..

Впрочем, время обеда уже прошло, пора, наверное, убирать посуду, – подумала она, глядя на часы.

Когда она вошла в палату, кумир спал. Инга тихонько поставила на поднос посуду и вышла. Вскоре и Нина, вторая медсестра знала уже, кто лежит в 4-й палате. Две болтушки, привыкшие рассказывать друг другу самые сокровенные тайны, уже промыли все клипы Эда от начала и до конца.

Остаток дня прошел незаметно, как это обычно бывает в больницах. Вечерний обход с измерением температуры,

обезболивание, капельницу, хорошо, что сегодня операций не было. Инге нравилась ее работа, хотя часто это сопровождалось болью, кровью и страданиями. Мысль о том, что людям нужно помогать зародилась в ее голове еще в школе, и так прочно и осталась на всю жизнь.

Муж и дочка пришли буквально пять минут назад, тк еще копались на пороге.

-Мама!

– Лизок! Как дела в садике, моя хорошая?

Пока ребенок с упоением рассказывал ей о всех проделанных в садике делах, Инга быстро импровизировала ужин на кухне. С виду эта семья из трех человек казалось очень дружной, но чувствовалась какая-то тень, прохлада, царящая между супругами. Недосказанность, недострасть, а все только молчаливое согласие и спокойствие.

– Ив, знаешь кто сегодня попал ко мне в больницу? Не дожидаясь ответа она продолжала , – Эд Соколов!

– Это тот экстримал –то? – без интереса спросил Ив.

– Да-да, он самый! Лежит с переломом ноги, он на встрече с машиной столкнулся. Поехал по делам и вот, мотоцикл на обочину, сам в больницу. Лежит без телефона, без ничего , сегодня у меня даже позвонить попросил. Хотя, наверное, ему привезли уже. Ив, ты слышишь?

– Да слышу, слышу, ладно, черт с ним, давай есть уже.

Инга не стала продолжать свой восхищенный рассказ. Все сели за стол молча.

.... И жили они долго и счастливо. Конец. – Дочитала сказку Инга.

– Ложись спать, моя родная, завтра еще в садик рано вставать. Инга поправила прядь детских волос, скатившихся на щечку и ушла из детской комнаты. Она вошла в спальню и потихоньку подлегла к мужу. Ив уже спал. Казалось, он спал последние года три относительно ее жизни. Рутинная будней, привычные дела, идущие своим чередом, обыденность, редко сменяющаяся отпуском или совместным выездом. Быт, грызущий все самое нежное и трепетное в отношении друг к другу и ежедневное «надо» притупили острое чувство осо-

знания того, что быть вместе это прекрасно. Ив был старше жены на 14 лет. Впрочем, эту разницу не чувствовали ни он, ни она. Или старались не чувствовать.

Они встретились 6 лет назад, и все закрутилось так быстро, что через полгода отношений Инга уже меняла свою девичью фамилию на громкую греческую фамилию мужа. Ни приглашенные родственники, ни народный танец, ни щедрые блюда – ничто так и не стало ей родным, кроме Ива. Он был добрый, терпеливый, заботливый, и, в конце концов – удобный. Высокий, с плотной смуглой кожей, с темными, жесткими, чуть курчавыми волосами и карими глазами. Вся его внешность источала благородство, спокойствие, даже величие и вместе с тем – медлительность, меланхолию. Пожалуй, именно противоположная живость и притянула его к Инге. Они были похожи на дерево и птицу. Этаким величавый клен или дуб, с раскидистой кроной и широкими корнями, прочно стоящий на своем месте, и звонкая, острокрылая ласточка, веселая, щебечущая и прекрасная в своей простоте.

– Инга, привет, пошли на обход! В ординаторскую заглянула Нэлли.

– Иду уже, иду.

Инга быстро обошла все палаты и заглянула в волнительную палату номер 4. Эд все еще спал, и Инга не осмелилась его будить. Шаг за шагом подходила она все ближе и ближе к спящей звезде. Робко и боязливо, сдерживая дыхание, она потрогала своей, трясущейся от волнения, ладонью его лоб – температуры не было. Инга резко отдернула руку назад и быстро вышла из палаты. Казалось, рука после этого внезапного прикосновения будет гореть, полыхать, но нет. «Касание» прошло легко. Инга посмотрела на свою ладонь испуганным взглядом, потом окинула беглым взором палату, и быстро вернулась в ординаторскую. Она почувствовала себя смелее. Он, конечно, звезда, но болеет, как и простой человек.

– Слушай, Ирка рассказывала, что ее Соколов ночью измотал – начала Нина. Я с ней в дверях встретила, бедняжка, на ней лица не было. Говорит, часа не проспала.

– Как измотал? –оживилась Инга.

– Да то одно ему принеси, то другое. Скучно, видать, весь день в четырех стенах лежать. Так что ты, дорогая, берегись сегодня ночью этого психа.

– Да он не псих, – заулыбалась Инга. Но спасибо за совет. – У меня сейчас четверым уколы по расписанию, так что я тебя покидаю и летящей походкой направляюсь в сторону поста.

– Давай, ангел жизни, с цефтриаксоном наперевес, – засмеялась Нина, провожая подругу взглядом.

Инга наполнила 4 шприца и прошла по нуждающимся пациентам.

Солнце играло так весело и звонко, что хотелось жить просто от того, что на улице добрая, весенняя погода. От того, что цветы и травы, росшие вокруг корпуса, радовали глаза выглядывающих на них занемогших людей, давая скорую надежду видеть и потрогать их листья вживую, а не через окна палат. Впрочем, какому здоровому человеку придет на ум трогать листья и цветы по дороге, скажем, на работу или в магазин? Только заболевая, человек начинает переоценивать свое время и жизнь. Начинает видеть незначительные для здорового человека вещи: птиц, снующих по воздуху, кусты с наливающимися почками, журчание ручья, что бежит в низине от больницы. Заболевая, и получая массу времени на поправку и рассуждения, человек обращает внимание на бесполезность ежедневной суеты, на то, что тратит свои силы на никчемную гонку и на то, что здоровье совсем не замечаешь, пока оно есть. И вообще, скорей бы уже выписаться.

К красавице из 4 палаты уже второй раз за начавшуюся неделю приходил жених, и это так радовало и грело Инге душу. На завтра было назначено две выписки. Еще двое счастливиц вернутся домой из стен, пропавших лекарствами, – это тоже не могло не радовать. Помогать жить вопреки болезням, преодолевая боль и направлять организм на сопротивление – в такой день все получается само собой.

Наступало время обеда. На пост прибежала Нэлли.

– Ингусь, определи палату, деда привезли.

– А что с ним?

– Не поверишь! Пневмония!

– А что ж его ко мне в отделение-то везут?

– Так на ремонте же легочники! Давай, палату готовь.

-Бегу, в 5 заводи.

Инга открыла складскую комнатку, достала постельное белье и направилась к 5-й палате. Деда медленно доводила Нэлли. Он шел, опираясь за ее плечо, вздыхая и закрывая грудь. Инга быстро приготовила постель и вместе с Нэлли

они уложили его.

– Ну, я пойду до своих.

– Давай, – ответила Инга.

Она повернулась к деду и заглянула к нему в карту: Виктор С, 72 г, левосторонний плеврит.

– Где ж ты так простыл, дедушка? Да еще и в такую жару?

– А? – широко раскрыл рот дед.

– Обедать, говорю, будешь? Обед идет – во весь голос крикнула Инга.

– Давай, милонька, неси – заулыбался дед и тут же начал кашлять.

Она быстро слетала на кухню и попросила налить что осталось. Деду повезло – осталось и первое и второе. Инга ловко поставила тарелку себе на предплечье, вторую взяла в руки и дошла до деда.

По пути ей попался Антон Павлович.

– Тарелки чисто официантка несешь! – усмехнулся он. Инга молча улыбнулась и быстренько вошла в палату к старику.

– Пожалуйста – сказала она, расставляя тарелки на тумбочку.

Смотреть на чавкающего деда было выше ее сил. Инга взяла карту и отправилась на пост. Деду предстояло несколько недель интенсивного лечения с капельницами и уколами.

Инга быстренько приготовила капельницу, поставила на треногу бутылки, взяла катетер и отправилась в 15 палату.

– Ложись, дедушка, поудобнее, сейчас капаться будем.

Дед, казалось, даже повеселел после еды.

– Ты милонька, не сердись, я слышу плохо – виновато оправдывался дед. – Капельницу мне ставить будешь?

– Да, вытягивайте руку.

Дед закатал рукав на своей застиранной рубашке и подставил Инге жилистую, морщинистую руку.

Инга аккуратно протерла старческую руку ватой, нащупала вену и проткнув кожу иголочкой, закрепила катетер пластырем.

– Отдыхай, дедушка.

Дед поморщился и спросил:

– Как звать – то тебя?

– Инга.

– А меня дед Витя.

– Как бутылочка будет кончаться – позови меня.

– А? – снова спросил дед. Инга показала на бутылочку, из которой текло лекарство и громко добавила:

– Как будет кончаться – зови. Дед одобрительно закивал головой и Инга ушла.

Получив остатки обеда, Инга направилась к кумиру. Ну, вот она, 4-я палата. Инга поправила халат, убрала от лица свесившиеся волосы, затянула потуже пояс. С задумчивым видом она вошла и увидела, что Эд не спит.

– А кормят у вас, однако, не по расписанию – ехидно улыбнулся больной.

– Я задержалась всего на 10 минут – Инга кинула на Эда свой острый, но улыбающийся взгляд и немного воспряла – час назад поступил пациент в тяжелом положении.

– А каково мое положение? – Эд обнажил свои белоснежные зубы

– Судя по улыбке – намного легче.

– А судя по истории болезни?

– Вы крайне нетерпеливы – Инга не смогла сдержать улыбку и окончательно «поплыла». Вы не писали еще в своем блоге, что находитесь «на курорте»?

– Именно поэтому я Вас так ждал – как –то по – доброму в этот раз улыбнулся Эд.

– Я не ношу на работу компьютера.

– Тогда хотя бы позвонить? – Эд протянул руку.

– Пожалуйста, протянула Инга телефон Эду.

Их руки невольно соприкоснулись. Инга вспыхнула.

– Я не буду ждать когда Вы поговорите, оставлю Вам телефон и зайду через часик, как управлюсь с делами. Вы еще не будете спать?

– Нет, сегодня я и так прекрасно выспался. Пожалуй, последние пару месяцев так не отсыпался.

– Тогда приятного аппетита, я пойду, – сказала Инга и вышла.

– Хорошо.

Эд снова позвонил своей малышке, чтобы она пошевелила заказчиков и не оставляла его в таком щекотливом положении, когда кумир у медсестер местной больницы вынужден просить телефон для звонков. Малышка, конечно, же вздыхала и сетовала, что письмо она отправила еще вчера, целовала обожаемого мужа в трубку, поправляя локон, и желала скорейшего выздоровления и воссоединения с семьей. Прозвище «Малышка» шло ей как нельзя лучше. Речь, напоминающая лепет подростка, круглые хлопающие глазки, соблазнительно стройная фигура и полное отсутствие интел-

лекта при ярком желании блеснуть им.

Эд шевелил внутри гипса кончиками пальцев и не смог устоять, чтобы не посмотреть фотографии в телефоне.

– Неплохо, неплохо, – медленно процедил он. Дочка есть, а мужа что-то не видать. Хм...а нет, вот и муж. Просмотрев фотографии, Эд еще недолго полистал интернет, и, стерев историю, положил телефон на прикроватную тумбочку.

«Занятная цыпочка», процедил бы он пару лет назад, но сейчас все упростилось. Эд слишком хорошо знал сущность женщин. Что сейчас, что десять лет назад ему не составляло труда завладеть женским телом. Блондинки – брюнетки – рыжие – все они хотят быть единственной, той, от которой поплывет самый взыскательный мужской взгляд. Все они хотят остаться жгучим воспоминанием и раной на сердце, музой, богиней, чертовщинкой, осадком в душе, пьяным ночным звонком, – и почти все теряются. Расплываются непонятной картинкой, лица чередуются как в калейдоскопе и становятся неузнаваемыми через пару недель. Ни запах, ни цвет глаз, ни заумные речи – ничто не стреляет в сердце, сколько бы не целилось. В своих порывах понравиться женщины становятся похожими друг на друга еще больше, и пропадают, стираются из памяти.

«Молния» же всегда появляется сама, случайно, и, чаще

всего, в самое неподходящее время.

На посту Инга села за журнал и стала заполнять отчет по предыдущему месяцу. Она исписала четыре больших страницы, и вдруг, сама не зная зачем, повернулась к окну. За окном явно намечалась гроза. Ничего не предвещающая жара сменилась бурой тучей, на улице потемнело и поднялся ветер, гоняя пыль по дорогам. «У Соколова окно открыто» – пронеслось в голове. Инга быстрыми шагами побежала к Эду. Она как можно тише открыла дверь, но Эд ответил ей:

– Заходите смелее, я одет и я не сплю.

– Я закрыть окно только.

– Закрывайте. Буду любоваться грозой через стекло.

Инга спиной чувствовала его тяжелый, сверлящий взгляд

– Зайдешь ко мне вечером? – вдруг совершенно спокойно спросил Эд.

– А зачем?

– Просто. Зайди и все.

– Ладно, зайду, – повела плечом медсестра, улыбнувшись, и вышла.

Инга пошла к Деду и подоспела как раз вовремя – Дед кашлял, кашляя, а прозрачная жидкость в капельнице уже была на исходе.

– Что же Вы меня не позвали, Дедушка? Вон уж лекарство кончается.

– Да забыл как звать тебя, милонька.

– Звали бы просто «медсестра». Инга меня зовут. – она отвечала Деду, тихонько подсоединяя маленький шланг ко второй бутылочке с жидкостью.

– Вот запомню сейчас. А что, врач про меня ничего тебе не говорил?

– Говорил. Сказал, завтра утром будут дренаж делать, Вам после этого сразу легче станет, хоть спать будете без кашля.

Дед посмотрел пристально и вдруг выдал:

– Хорошая ты девочка, на внучку мою похожа.

Глаза у Деда заблестели.

– Спасибо. А как Вашу внучку зовут?

– Наталия. Я давно ее не видел... Он отвернулся в стене и Инга заметила, что глаза у Деда начали мокреть.

– Дедушка, не плачь, волноваться тебе не нужно. Дать воды?

– Нет. – Дед вытер глаза второй рукой и сказал:

– Она так и осталась в моей памяти высокой худенькой девчонкой, вот с такими же большими глазами как у тебя – он мотнул головой на Ингу. Дед закашлял, рыкнул горлом и продолжил:

– Я... очень хотел бы увидеть ее, еще хотя бы раз.

– Я думаю, вы еще обязательно увидите.

Дед отвернул взгляд к стене и Инга подумала, что сейчас

его лучше оставить одного и дать отдохнуть, не мучая одним только своим лицом воспоминаниями о внучке.

– Как эта бутылочка будет заканчиваться обязательно позовите меня.

Дед утвердительно кивнул головой и Инга вышла. Эти несколько фраз словно вжали ее в угол.

Боже мой, как быстро гаснут наши огоньки! Жизнь убегает песком сквозь пальцы: сегодня ты молод, полон сил и отваги – юный студент семнадцатилетний, молодой отец, лет 30 ти, а завтра ты дряхлый старик с левосторонним плевритом. И жизнь эта, от 17 до 72, по сути лишь миг один. Люди растут и засыхают как колосья на полях, но в каждом том колосе бьется жизнь. Жизнь, со своими радостями и взлетами, падениями и утратами! И каждый колос хочет тепла и света, и каждый живет и думает, что ему свои 72 отмерено, не зная, что жнец с серпом придет не тогда, когда ты будешь в теплой больничной постели. Он вообще никуда не приходит, он всегда стоит за спиной. И ты живешь и думаешь о лучшей жизни, где, возможно, солнце поярче, земля пожирнее, простора побольше, не понимая, в сущности, что жизнь этим не ограничивается. Вся жизнь внутри тебя бьется, зреет, наливается и сам ты – часть жизни, большой, всеобъемлющей, непрерывающейся и пробивающейся даже сквозь са-

мую сухую землю. Ты часть той жизни, что идет по цепи, от зерна, которым ты был, до зерна, которое ты дашь. Ты и есть сама жизнь.

Инга смотрела в окно и любовалась стихией: дождь хлестал по кустам так, словно выплескивал всю свою силу. Словно, в порыве гнева, кустики – первое, что попало ливню под руку. И ветер вторил ему, нещадно наклоня тонкие веточки, обрывая нежные лепесточки и гоня волны по траве. В небе громынуло, блеснула молния и Инга услышала, как с водосточной трубы, спускающейся с крыши, бежал бурный ручеек.

И это тоже жизнь. Жизнь внутри и вокруг нас одновременно.

Сознание Инги медленно приходило в помутнение, где-то в затылке отдавала стучком головная боль. Инга зашла в ординаторскую и рухнула на диван. Мысли про плачущего Деда и его внуку не покидали ее. Удивительно быстро она запомнила старческие черты. Испещренное морщинами лицо, сухая кожа, свисающая с подбородка, высокие лоб и маленькие, хитрые, медвежачьи глазки. Инга полезла в карман за телефоном чтобы позвонить мужу, но, обнаружив в халате пустоту, вспомнила, что оставила свой телефон Эду.

«Пора и честь знать», – подумала она, и лениво вставая с дивана, отправилась в 4 палату.

– Я за телефоном, сказала Инга, на удивление для себя, спокойно входя внутрь.

– А я уже стал скучать.

– По своей ноге? – заулыбалась Инга.

– И по ней тоже – опуская голову, заулыбался Эд.

– Не переживайте, Ваша нога останется с вами и скоро вернется в былую форму, главное, не нагружайте ее сразу же после выписки.

Инга уверенными шагами подошла к тумбочке, взяла телефон и направилась к выходу, но услышала в спину:

– Давно вы здесь работаете? – неожиданно спросил Эд.

– Нет. Не очень. Два года. А к чему вы спросили? – Инга обернулась.

– Вы не похожи на медсестру.

– Почему же? – удивилась она.

– Вы слишком милая для этой работы. – сказал Эд совершенно спокойно. – И слишком худая.

– А что, по-вашему, все медсестры должны быть толстухами? – улыбнулась Инга.

– Нет, конечно, да и я редко бываю в мед учреждениях, Слава Богу. – заулыбался Эд. Но вы больше походите на модель.

– Это потому, что вы привыкли видеть моделей. Хотя, муж давно мне говорит «меняй работу». Но у меня, наверное, не хватит сил уйти.

– Почему ?

– Я нужна здесь.

– Но ведь на ваше место легко найду замену, другую медсестру.

– Да, я знаю. И все же не могу. Мне нравится помогать людям, я вижу, что многие пациенты ждут именно моего прихода. Это приятно... Вам, наверно, неинтересно, – смутилась Инга.

– Да нет, я просто не понимаю. Я никогда бы не стал тратить на это жизнь.

– На что?

– На других людей. Вы тратите свою жизнь, на то, чтобы смотреть в страдающие лица, слышать завывания и стоны, наверняка еще и упреки, если не удалось спасти жертву.

– Но это моя работа.

– Но это не ваша жизнь. В смысле, можно сменить работу.

– На работу модели?

– На любую.

– Нет, мне все нравится здесь.

– Вам просто страшно что-либо менять.

– Возможно. Я обязательно подумаю об этом сегодня на дежурстве.

– Так вы сегодня ночью еще и дежурите?

– Да, сегодня моя смена.

– Это хорошо, кивнул головой Эд.

– Я знаю, что прошлой ночью вы замучали Ирину, вторую медсестру, поэтому я заранее принесу вам в палату все, что нужно, – сухо улыбнулась Инга.

– До вечера. Можно, теперь называть вас на «ты»?

– Можно. До вечера.

Инга шла по коридору, тяжело вдыхая. Что– то оттолкнуло ее в этом коротком разговоре. Надменность? Высокомерность? Нет. Что-то не то. Послевкусие оказалось неприятным. Он прав, наверно, но свое дело Инга готова была отстаивать с яростью волчонка. «Пора заглянуть к Деду» – подумалось ей.

Она зашла к нему в палату и увидела, что лекарство вот-вот кончится.

– Ах, дедушка, не спишь ведь, а меня не зовешь! Опять твоя бутылочка кончается, что ж молчишь?

– Да вот только хотел тебя звать – слышу – сама идешь.
Дед усмехнулся.

– Не шути так больше. Ужин принести?

– Давай.

– Через полчаса пойду.

Инга взяла капельницу и отправилась на пост. Она вспоминала тот пристальный взгляд Деда, и ей очень захотелось помочь ему. Ей захотелось найти внучку, свести ее с Дедом, но одного только имени для поиска было явно мало.

Начинало темнеть. На юге солнце всегда закатывается быстро. Едва только блеснет последний лучик, как через пару – тройку минут город превращается в потемки. На часах было всего только пять вечера, но мягкая темнота уже окутывала корпус больницы. Включились фонари, зажглись неподалеку вывески и витрины, свежесть, оставшаяся после дождя, превратилась в холодок.

На все отделение разносился запах тушеной картошки и жареной рыбы. Инга вспомнила, что сама сегодня еще не обедала – настолько быстро кружился день. Она бегом побежала на раздачу со столиком на колесиках.

– Девчонки, дайте еды?

– Давай, давай. Столовщица со всей деловитостью подошла к окошку и улыбнулась Инге. – Все возишься со своими? Пусть сами приходят.

– Да у одного перелом ноги, у другого руки, вот деда еще подбросили мне с пневмонией – жалко его гонять, отнесу уж. Теть Валь, наложите мне тоже, пожалуйста, я еще с утра ничего не ела.

– Хорошо – хорошо. Столовщица по очереди подала четыре полные тарелки. – Пожалуйста!

– Ох, тетя Валя, до чего ж я люблю вашу рыбу!

– На здоровье! Столовщица махнула рукой и удалилась к кастрюлям.

Инга покатила к Эду. Какого же было ее удивление, когда она застала его работающим за компьютером.

– Я принесла Вам ужин.

– Мы же на ты?

– Тебе ужин. А я и не видела сегодня пробежавших посетителей.

– Да, друзья выручают.

– Ну тогда не буду мешать, приятного аппетита.

– Вечером не забудь зайти.

– Я помню.

Инга пошла к Деду. На тумбочке в его палате она увидела раскрытую карту с анализами. Эпикриз был тяжелый. Обнадеживало только, что через два дня Деда должны были перевести во вновь открывающееся отделение для легочников.

– Дедушка, поешь. Через час приду тебе укол ставить.

– Это я люблю, – замурлыкал Дед.

Инга взяла стул и поставила его рядом с кроватью больного.

– Скажи, как ты чувствуешь себя?

– Да болит за грудиной, там, внутри. Надышаться не могу. Умру я здесь, наверно.

– Да ты что! С твоим диагнозом не умирают.

– Я много раз умирал, но выкарабкивался. А сейчас не хочу. – с лица Деда внезапно исчезла прежняя улыбка.

– Не надо говорить такое. Нужно жить.

Повисла длинная пауза. Дед словно не понимал, для чего ему еще нужно жить, а Инга как будто не могла объяснить причину, почему жизнь продолжать все же стоит. Ведь для нее это так понятно и естественно. Инга сидела на стуле и прищурившись, рассматривала старика. Его бегающие глазки, его жилистые руки с кожей, покрытой темно-коричневыми пятнышками, его вогнутую грудь. Противный грязно-желтый свет от фонарей рассеивался по палате. Он струился из окна и перемешивался со светом больничной бра. Дед уныло расправлялся с рыбой. Инга обсмотрела все и произнесла вновь:

– Надо жить! – а затем встала и вышла.

Она шла по коридору, устало пошлепывая босоножками.

– Ив звонит, -внезапно сказала она сама себе.

– Алло, ты забрал дочу?

-Забрал. Сейчас ее тебе дам.

– Моя сладкая!

-Мама! Ты опять сегодня на работе ночуешь?

– Опять, мой зайчик, зато потом буду два дня отдыхать.

– В парк пойдем?

– Конечно, обязательно сходим!

– Я тебя люблю!

– А я тебя крепко люблю! Лиза, там в холодильнике тебе сюрприз, папа покажет.

– Хорошо, сейчас папу дам.

-Алло, тебя завтра забирать как обычно?

– Как обычно, Лизу в садик и за мной. Ну давай, ешьте

там. Покорми ее.

– Разберемся. Пока.

Инга выдохнула. Она вновь села за журнал и, послушно склонив голову над листами, стала заполнять расход лекарств еще недельной давности. Листая истории болезней и записывая выданные дозы, Инга сама не заметила, как подошло время вечернего обхода. Среди всего количества пациентов, поступившие мужчины выделялась особенно: кумир – ловелас и дед-пневматик, которого еще ждал укол. Инга захватила добрый десяток холодных градусников и пошла по палатам.

Голова начинала раскалываться. Какое-то щемящее чувство поглотило Ингу. Давило где-то внутри.

Инга направилась к Эду.

– Я за температурой.

– 36 и 5. Я вообще поражаюсь, зачем мне температуру измеряют, я же не с гриппом сюда поступил.

– Если у вас начнется воспаление в местах открытых ран, температура тоже поползет. Я сейчас закончу обход и приду.

– Хорошо, – кивнул головой Эд.

Инга заглянула к Деду.

– Ну как? – суховатым голосом спросила она.

– Не вижу, – буркнул Дед, протягивая градусник.

– Ничего, я посмотрю. Поворачивайтесь, сейчас укол буду ставить.

Дед кряхтя повернулся на бок и Инга, сделав дело, собралась уже уходить, как вдруг услышала:

-Ко мне никого в палату не поделят?

Инга хотела ответить, что дед пролежит здесь в одиночестве, но открыв рот, произнесла:

– Нет, не переживайте, никого не поделяю. Вы...Вас переведут завтра.

Она шла по коридору, заглядывая в каждую палату, где лежали доверенные ее рукам люди.

– Медсестра идет! – закричал маме мальчишка лет пяти,

и шмыгнул обратно в палату.

– Ох догоню, все равно догоню! – отозвалась Инга на его бег. – Как температура?

– У него все хорошо, Инга Александровна, 36 и 4 полу-криком выпалила мать юного хулигана.

– Молодец! Завтра домой что ли поедешь?

– Да! – хитро ответил мальчик.

Инга погладила его по белесой головке и пошла дальше. В животе заурчало. В ординаторской стояли на столе нетронутые рыба с картошкой, совсем холодные и невкусные на вид.. Инга не стала есть, а лишь налила себе горячего чая. Вдруг она вспомнила, что обещала Эду зайти и невольно поплелась к нему с полным отсутствием желания это делать.

На улице уже было совсем темно, только и оставалось, что доверяться рассеянными фонарям с грустными тусклыми глазами. Люди в палатах постепенно умолкали, окутанные сонным настроением. Свет гас в каждой комнате, за исключением коридора – обители дежурной медсестры. После дневного дождя было еще очень свежо и нежный аромат цветущей вишни разливался в воздухе настоящим лекарством для больных душ. Инга снова вошла в палату Эда.

– Еще раз добрый вечер.

– Привет, – сказал он, закрывая ноутбук. Садись рядом. Вот что я подумал, у меня к тебе просьба есть: сегодня ночью будет полнолуние, я уже двое суток не был на улице, а в вашей больнице хорошо, конечно, но стены давят на меня, простора хочется, воздуха.

Инга смотрела спокойным, но недоумевающим взглядом.

– Так вот, последний раз я был в этом городе пять лет назад, но мне есть, что здесь вспомнить. Короче, выкати меня на улицу.

Инга закрыв глаза улыбнулась, и через мгновение ответила:

– Я даже не знаю, это совершенно противоречит правилам поведения в больнице.

– Один раз. Пожалуйста. – кумир засверлил ее своим взглядом.

– Хорошо, но только на полчаса. Я не могу надолго оставлять пациентов одних.

– Я думаю, от такой красавицы они и сами не сбегут – растянулся в улыбке Эд.

– Сидеть вам нельзя, только лежать, т.к. ваша трещина в

тазу это не шутки, поэтому выкатить я вас смогу только на этой же кровати. Ваша палата ближе всех к лифту, так что укрывайтесь и поехали.

Улыбка засияла на лице Эда, и это воодушевило Ингу. Воистину, даже кумирам нужно мало для счастья.

Выкатывая кровать из лифта, Инге пришлось сперва побежать открыть дверь со второго входа, чтобы вахтерша не увидела их. И вот, наконец, улица.

– Инга, спасибо! Я буду всем знакомым рекомендовать вашу больницу.

– Ой нет, не стоит, мне и так пациентов хватает – улыбнулась Инга. Повисло неловкое молчание. Инга посмотрела на Эда и спросила:

– И что ж напоминает вам наш городишко?

– Одно доброе, хорошее время, когда я был беззаботен и счастлив.

– А разве теперь вы несчастливы?

– Теперь я не беззаботен.

– Я помню ваши клипы отсюда. Они очень теплые, их хочется пересматривать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.